
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

© О.В. СКОБЕЛКИН

ovs@box.vsu.ru

УДК 94(47+57)»15»

ПРИЕЗДЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙЦЕВ НА РУССКУЮ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В XVI веке

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется один из способов комплектования вооруженных сил России XVI в. иностранными военными специалистами.

SUMMARY. The article examines one of the ways of recruitment for the Russian armed forces by foreign military specialists in the 16th century.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Иноземцы, военная служба, Россия, наемники.

KEY WORDS. Foreigners, military service, Russia, mercenaries.

На русскую военную службу в XVI в. иностранцы попадали четырьмя путями: переходя из армии противника на русскую сторону во время боевых действий или поступая на службу из плена, а в мирное время их нанимали за границей русские дипломаты или же они сами приезжали в Россию с целью поступления на службу. Именно этому, последнему, пути попадания иноземцев на службу в русское войско и посвящена настоящая статья.

Вариантом этого пути можно считать бегство из своей родной страны в Россию под влиянием каких-либо неблагоприятных обстоятельств. О таких случаях упоминает Сигизмунд Герберштейн, замечая при этом, что «обыкновенно к москвитам убегают редко, и только те, кто не может жить в безопасности в другом месте». Именно после обвинения в каком-то преступлении во второй раз «удалился в Московию» Лукас Хаммерштеттер, который до этого уже был на русской службе, и которого Герберштейн теперь встретил «в почетных одеждах среди наемников государя (Василия III — прим. авт.)». [1; 198]. Других сведений о подобных приездах для первой половины XVI в. нет.

Во второй половине столетия самым известным из выехавших на государево имя был вестфалец Генрих Штаден, который прибыл в Россию в апреле 1564 года. Сначала он был толмачом в Посольском приказе, затем стал опричником, принимал участие в разгроме Новгорода, в боевых действиях против крымских татар и в 1576 г. покинул Россию. [2; 44-47]. Это, кажется, первый известный случай приезда в Московское государство для найма на службу человека, чье имя и некоторые детали биографии известны.

В самом начале XVII в. в Россию приехал еще один из наиболее известных наемников на русскую службу, автор «Московской хроники», уроженец Люнебургского княжества в Германии Конрад Буссов. Послужив в Ливонии, сначала — Речи Посполитой, а затем — Швеции, он, согласно реконструкции И.И. Смирнова, «находился в тайных сношениях с псковскими воеводами, через агентов Бориса Годунова в Ливонии вел переговоры о сдаче русским ливонского города Алыста (Мариенбурга) и изъявлял желание перейти на службу к Борису Годунову». Кроме того, он, по-видимому, был причастен и к заговору о сдаче Нарвы. Когда во второй половине 1601 г., заговор раскрылся, Буссов бежал в Россию и поступил на русскую службу. [3, 12,17; 4, 13] Как видим, история его перехода на русскую службу напоминает историю второго приезда в Россию Лукаса Хаммерштеттера.

В 1623/24 г. в ведомстве патриарха Филарета рассматривались просьбы иноземцев, желающих перейти в православие, а сами они допрашивались. Подобное происходило и до и после указанного года, но именно от «132-го» года сохранились расспросные речи этих иноземцев, в которых содержатся данные о том, когда (а порой — и как) они сами или их родители оказались в России. Рассмотрим те случаи, в которых иноземцы прямо указывали на выезд.

13 ноября 1623 г., 8 февраля и 23 мая 1624 г. иноземцы показали: московский кормовой немчин Адам Матвеев сын Кляусов — «отец-де его выехал из Лифлянт при царе Борисе, а он-де родился здесь на Москве»; швед Яков Семенов — «выехал при царе Борисе»; цесарец Некрас Толмачов — «выехал блаженные памяти при царе Иване Васильевиче всеа Руси»; шотландец Яков Лунев — «отец де ево выехал из Шкотцкие земли блаженные памяти при царе Иване Васильевиче всеа Руси, а он-де здесь на Москве родился». [5; 609, 615, 639-640]

Любопытно, что говоря о до-Смутных временах, как эти, так и многие другие иноземцы называли Ивана Грозного, Бориса Годунова, но практически никогда не упоминали царя Федора Ивановича; создается впечатление, что время правления Годунова при царе Федоре и время годуновского царствования в их памяти слились в один период. Поэтому формулировка «при царе Борисе» могла означать как период 1584-1605 гг., так и 1598-1605 гг. Таким образом, двое из указанных иностранцев (Некрас Толмачев и отец Якова Лунева) появились в России в царствование Ивана Грозного, а остальные двое (отец Адама Кляусова — Матвей и Яков Семенов) — или в период правления, или в период царствования Бориса Годунова.

Следует заметить, что трое из четверых иноземцев, дававших показания в 1623/24 г., в момент перехода в православие сами находились на русской службе. (О шведе Якове Семенове обнаружить какие-либо данные пока не удалось.) Об этом позволяют судить списки московских иноземцев, которых вызывали на службу в Украинный разряд. Самый близкий по времени к 1623/24 г. список был составлен в феврале 1625 года. Согласно ему Адам Матвеев с. Кляусов и Некрас Толмачов числились среди кормовых «немцев» в роте «старого выезду кормовых иноземцев» под командованием Григория Врославского, а угличский помещик Яков Лунев — среди поместных иноземцев роты «немцев старого выезду», которой командовал Петр Гамолтов. [6; 71, 65, 49]

Исходя из этого факта, можно с уверенностью говорить, что и отцы Кляусова и Лунева были тоже военными, и, следовательно, после приезда в Россию, служили в русском войске.

Разумеется, полностью доверять тому, что говорили иноземцы, спустя двадцать, а то и сорок лет после своего или своих отцов приезда в Россию, не следует. Дети могли не знать деталей, а те, кто выехали уже взрослыми, могли сознательно эти детали исказить. Учитывая же, что и в царствование Грозного, и в правление Годунова Россия вела войны, в которых в армиях противника всегда присутствовали «немцы», нельзя исключить того, что все вышеперечисленные иноземцы не просто «выехали» на русскую службу, а были перебежчиками или военнопленными, на эту службу поступившими.

Несколько особняком в ряду приехавших в Россию иноземцев стоит история поступления на русскую службу Юрия Франзбека (Юргена Фаренсбаха). В 1570 г. он, будучи главой охраны посольства от дворянских корпораций Вика и Эзеля к Ивану Грозному, был схвачен русскими властями за грабежи населения, привезен в Москву и посажен в тюрьму; однако через какое-то время был освобожден и принят на русскую службу [7; 53]. Таким образом, оказавшись в России по своей воле, в состав русского войска Франзбек попал под влиянием обстоятельств, предпочтя, по-видимому, московскую службу московской тюрьме.

Самое первое по времени и весьма подробное описание того, как организуют русские власти прием иноземцев, приезжающих в Россию, принадлежит перу Генриха Штадена: «Если кто-нибудь — безразлично кто, но только не еврей — приходит на русскую границу, его тотчас же опрашивают — зачем он пришел. Скажет он, что хочет служить великому князю (т.е. русскому царю — прим. авт), его опять расспрашивают о различных обстоятельствах. Все сообщения и речи тайно записываются и запечатываются. А его самого немедленно отправляют на ямских с дворянином к Москве, [куда доставляют его] в 6 или 7 дней. В Москве его снова тайно и подробно расспрашивают обо всех обстоятельствах, и если его показания согласуются с тем, что он говорил на границе, ему дают тем большую веру и жалуют его. Несмотря ни на лицо, ни на одежду, ни на знатность, но ко всем его речам относятся с большим вниманием. В тот самый день, когда он приходит на границу, ему выдаются еще деньги на корм до Москвы.» В своей «Автобиографии» Штаден дополняет эти сведения некоторыми подробностями. Во-первых, он указывает, что после пересечения границы имел дело с русским наместником в Дерпте, а во-вторых добавляет важную деталь допроса в Москве: «Там (в Москве — прим. авт.) я был доставлен в Посольский приказ, и дьяк Андрей Васильевич расспрашивал меня о разных делах. И все это тотчас же записывалось для великого князя.» Сообщает Штаден и об анекдотичном случае, когда некий дворянин Эверт Бремен (ставший впоследствии управляющим имения Штадена), прибыв в Россию, по незнанию пошел было в Разряд, а должен был пойти в Посольский приказ — и это было бы правильно, ибо там ведаются и вершатся все немецкие и татарские дела» [8; 80–81, 91, 99–100].

Таким образом, Штаден отмечает следующие этапы приема иноземца: 1) первичный допрос о цели приезда, сразу же по пересечении границы; 2) второй

допрос, в случае намерения приезжего вступить в русскую службу, «о различных обстоятельствах»; по-видимому, в случае с вестфальцем этот допрос (а возможно, и первый) проводил дерптский наместник; 3) отсылка в Москву «расспросных речей» приехавшего; 4) выдача кормовых денег на срок от пересечения границы до приезда в Москву; 5) отправка в Москву самого иноземца на ямских подводах в сопровождении пристава (который, по смыслу сообщения Штадена, и везет записи расспросных речей); 6) третий допрос, уже в Москве, в Посольском приказе.

Информация Штадена вполне согласуется с тем, как это было уже в следующем, XVII столетии. Следует только добавить, что, хотя автор «Записок» не назвал ведомство, в которое из приграничного города направлялись расспросные речи приехавшего иноземца, исходя из контекста рассказа Штадена и традиций XVII в., это был Посольский приказ.

Вестфалец описывал всю эту процедуру, исходя, скорее всего, из своего личного опыта, и, возможно, опыта других иноземцев, находившихся на русской службе. Но он явно упустил один важный момент, о котором либо не знал, либо забыл, либо по каким-то причинам умолчал. Дело в том, что ни отсылка в Посольский приказ, ни назначение и выплата кормовых денег на дорогу не могли быть произведены без распоряжения из Москвы. А оно, в свою очередь, не могло последовать, без получения информации о приезде иноземца от местного воеводы. Неслучайно имперский посол Даниель Принтц фон Бухау в сочинении, написанном почти одновременно со Штаденом, замечает: «<...> Московия так заключена, что никому, без открытого листа или предуведомления о своем прибытии соседних начальников, нельзя входить в нее, если он не хочет подвергнуться величайшей опасности... Никто не въезжает в Московию, чтобы об этом тотчас не было донесено великому князю; если кто-нибудь прибудет без дозволения, тот подвергает себя величайшим опасностям и некоторым образом задерживается как пленник до тех пор, пока не узнают точнее, какое он имеет намерение» [9; 48, 73]. Таким образом, сообщение Штадена о том, что после допроса и записи расспросных речей иноземца «немедленно» отсылают в Москву, вряд ли соответствует действительности.

О том, что традиция информировать центральные власти о приезде иностранцев до их отсылки из пограничного города в столицу, а саму отсылку производить только по распоряжению этих властей, существовала, по крайней мере, уже в конце XVI в., свидетельствуют следующие факты.

Самый ранний пример того, как власти приграничных городов организовывали прием иноземцев, относится к августу 1603 года. Некий «немчин» Павлик Павлов пришел в Кольский острог «с Варгава, а сказывал <...> за собою <...> государево дело». Приказный человек и подъячий Кольского острога допросили выходца (к сожалению, данные об этом самом первом «расспросе», видимо, не сохранились) и отправили его к вышестоящим властям — воеводе и подьячему Двинского уезда. Двинские администраторы «тово немчина роспросили: которого он государства и которого города уроженец, и служивой ли он человек или мастеровой, и что он каких вестей дацких и свейских ведает <...>». [10; 1] Таким образом, сразу же по прибытии иноземца на территорию России у него

выясняли следующее: национальность (точнее, подданство при рождении), место рождения, социальный статус, а также расспрашивали о международных новостях.

После этого допроса П. Павлова (который сказал, что он — датчанин, служил «на кораблях в стрельцах», а в Россию приехал «государю служить») передали в ведение заказного целовальника. Тот поместил иностранца под охраной на земском дворе в Холмогорах, и «до государева указа» стал выдавать поденный корм в 3 деньги. Обо всем этом двинские власти сообщили в Москву в Посольский приказ и стали дожидаться указа из столицы, который и должен был решить судьбу датчанина.

В Москве с решением не спешили. Как минимум, еще дважды — в ноябре 1603 г. и в июне 1604 г. — из Двинского уезда шли запросы о Павлове. Наконец, летом 1604 г. Посольский приказ распорядился «немчина Павлика прислать <...> к Москве, а <...> про него сказать и отписку отдать в Посольском приказе». [10; 1 об, 2-3]

Как видно из приведенного примера, допрос иностранца сразу же по пересечении границы, сообщение об этом в Посольский приказ и решение центральных властей по поводу выходца были необходимыми элементами приема иноземцев в начале XVII века.

Летом 1612 г. в Архангельск прибыл представитель большого отряда западноевропейцев с предложением принять их на службу. [11; 302-318], [12] Двинские власти, допросив его, тут же направили «немчина» (им был шотландский капитан Яков Шав, впоследствии поступивший на русскую службу) к руководству Второго ополчения. Как оказалось, это было серьезным нарушением. В грамоте руководства Ополчения ярославским воеводе и дьяку говорилось, что двинские власти, «немчина подлинно не розпросили <...> и к нам не отписали, а прислали их самих к нам в полки мимо прежние обычай».

Путь Я. Шава из Архангельска к руководству Ополчения лежал через Вологду и Ярославль, власти которых, точно так же нарушили заведенный порядок. Выговаривая ярославцам за упущение, руководители Ополчения подчеркивали, что «при государях» (т.е., как минимум, при Василии Шуйском и Борисе Годунове, а возможно, и раньше) было «в государственных и всяких делах от иноземцов остереганье, и как их приезды и отпуски бывали, наперед от них отписывали, а без указа их из городов не отпускивали». Грамоты с выговором были отправлены также в Вологду и на Двину. При этом в обоих документах подчеркивается, что отпуск любого иностранца из пограничного города внутрь страны всегда раньше производился только по указу из Москвы. В грамоте же двинским властям (в чье ведение входил Архангельск) говорится, что «преж сего» правило расспрашивать иноземцев о цели приезда, сообщать об этом в Москву, и «без указа» не пропускать приезжих дальше, распространялось не только на «всяких иноземцев», но и на дипломатов — посланников и гонцов. [13; 35-42], [14; 57-61]

Оба эти случая позволяют полагать, что порядок приема приезжающих на русскую службу иностранцев сложился, видимо, еще во второй половине XVI в., причем, скорее всего, на основе традиций встречи иностранных дипломатических миссий, хотя, разумеется, здесь был целый ряд отличий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. 430 с.
2. Полосин И. И. Западная Европа и Московия в XVI в. // Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925. С. 9-53.
3. Смирнов И. И. Конрад Буссов и его Хроника // Буссов К. Московская хроника, 1584-1613. М.; Л., 1961. С. 5-62.
4. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. (XVII—первая четверть XVIII века). М.: Наука, 1976. 455 с.
5. Расспросные речи иноземцев и русских, возвратившихся из плена, присланных из Разряда в Патриарший дворцовый приказ для допросов // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 2. № 166. Стб. 597-668. СПб., 1875.
6. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 210. Разряд. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 19, Ч. 1.
7. Опарина Т. А. Род Фаренсбахов в XVI веке // Человек в пространстве и времени культуры. Барнаул, 2008. С. 40-85.
8. Штаден Г. Записки немца-опричника. М.: РОССПЭН, 2002. 240 с.
9. Бухау, фон Д.П. Начало и возвышение Московии. [10], IV. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1877. 73 с.
10. РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. Оп. 1. 1604 г. № 1.
11. Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. 1. Тбилиси: изд-во Тбилисского ун-та, 1959. 382 с.
12. Скобелкин О. В. Иностранцы на русском Севере в годы Смуты // Исторические записки: Науч. труды ист. ф-та. Вып. 3. Воронеж, 1998. С. 5-20.
13. РГАДА. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 1. № 45.
14. Акты времени междуцарствия: (1610 г., 17 июля — 1613 г.). XVI М., 1915. 240 с.